

Белая слепящая буря бушевала вовсю, делая каждый шаг по дороге почти невозможным.

Прижимая к себе Шэнь Гумина, Лян Сюань продирался сквозь заслон из густых хлопьев, лишивших его обзора. На темных ресницах налипла тонкая снежная корка; они подрагивали, точно крылья потревоженных бабочек.

Это изнурительное путешествие длилось уже трое суток. Они шли день за днем, ночь за ночью, почти без отдыха.

Лишь когда перед глазами наконец выросла каменная стела с глубоко высеченными, размашистыми иероглифами «Долина радостных кошмаров», Лян Сюань облегченно выдохнул. Впереди, сколько хватало глаз, простиралось бескрайнее изумрудное море густого леса.

Поняв, что они наконец добрались до места, он пошевелил посиневшими от стужи губами, но так ничего и не произнес. Холод сковал челюсти — сил не осталось даже на мысленное ругательство.

Духовный барьер, окружавший Долину радостных кошмаров, он будто и вовсе не заметил. Стоило Лян Сюаню сделать шаг, как преграда бесшумно растаяла сама собой, пропустив его внутрь, и в лицо пахнуло густым ароматом сосновой смолы.

Здесь всё разительно отличалось от ледяного ада снаружи: под защитой невидимого купола цвели сады, шумела листва и царило вечное, ласковое лето. Теплый воздух мягко окутал путников. Снег на одеждах начал быстро таять, превращаясь в сверкающие капли воды.

Уложив бесчувственного главного героя на землю, Лян Сюань уперся одной рукой в бок и замер на пару минут, восстанавливая дыхание. Немного придя в себя, он ухватил парня за руку и, прихрамывая, потащил под крону раскидистого векового дерева.

Лицо юноши — с правильными, точеными чертами и слегка приподнятыми уголками глаз — в обычное время должно было казаться дерзким и хищным. Однако сейчас, когда на макушке таял сугроб, а по щекам грязными ручьями стекала талая вода, парень выглядел на удивление по-детски глуповато. словно его насильно заставили умыться.

А впрочем, довольно мило.

Настолько мило, что Лян Сюаню нестерпимо захотелось его придушить.

Сам он трое суток шел без крошки хлеба и капли воды сквозь снежную бурю, пока этот паршивец дрых под его мышкой без задних ног, как домашний боров. Ну что за прелесть? Тепло ему было? Хорошо спалось? Сладко?

Когда он похищал парня, всё прошло настолько гладко, что Лян Сюань просто-напросто забыл

о драгоценной ноше под мышкой. А когда спохватился, небо уже заволгло свинцовыми тучами и повалил густой снег.

На протяжении всего пути лютовал мороз и выла метель — мерзкая, никчемная погода. И хотя Лян Сюань временами вел себя как законченный эгоист, базовые этические нормы в нем всё же теплились. Не мог же он бросить юного главного героя посреди ледяной пустыни на верную смерть.

Будучи человеком исключительно «благородным», он великодушно решил дождаться, пока мальчишка очнется, и только тогда выставить его вон. Всё равно деньги он с него уже стряс, репутацию «осквернил» — самое время избавляться от балласта.

Лян Сюань смахнул с лица тающие снежинки и бесцеремонно вытер ладонь о куртку Шэнь Гумина. Поглядев на безмятежную физиономию парня, он с глубокой обидой в голосе протянул:

— Маленький бессмертный господин, долго еще дрыхнуть изволишь?

Тот даже ухом не повел. Тогда Лян Сюань отвесил ему пару увесистых пощечин:

— Кончай дрыхнуть, подъем! Время веселиться!

От пары легких шлепков и одного полновесного удара на бледной щеке юноши мгновенно расплылись багровые следы, но Шэнь Гумин даже не поморщился. Не чувствуя Лян Сюань его слабое дыхание, точно решил бы, что парень склеил лапы. Что ж, он и так проявил чудеса гуманизма, не дав бедолаге околоть в сугробе. Если тот умудрился помереть во сне, тут уж медицина бессильна.

Какое-то время Лян Сюань молча созерцал спящего красавца, но в конце концов сдался. Буркнув под нос что-то вроде: «Спи, моя радость, усни, бог тебе судья», он резко поднялся и щелкнул пальцами. Прямо из воздуха, будто по волшебству, материализовался тяжелый гроб и с глухим стуком рухнул на траву.

Как бы тщательно он ни скрывал свои чувства перед уходом, его шисюн Цюй Цинъюэ уловил мимолетный алый отблеск в глубине его глаз. Этот названный брат всегда отличался слабым здоровьем, но пронизательность его граничила с божественным откровением. Поняв, что Лян Сюань еще не до конца обуздал свой синьмо, Цюй Цинъюэ вручил ему этот гроб, способный подавлять пагубное влияние синьмо.

Что и говорить... поистине царский подарок.

Стоило тяжелой крышке задвинуться, как Лян Сюаня поглотили непроглядная тьма и абсолютная тишина. Улегшись прямо в одеждах, он закрыл глаза, но сон не шел — сознание то

и дело проваливалось в зыбкое забытие и возвращалось обратно. На душе было тревожно.

Когда он открыл глаза в следующий раз, крышка гроба была сдвинута на треть. Снаружи, перегнувшись через край, на него во все глаза смотрел удивленный юноша с абсолютно чистым, незамутненным взглядом.

— Учитель?

От этого негромкого голоса Лян Сюань оцепенел, не в силах отвести взор от лица подростка.

В его сознании этот облик наложился на совершенно другое лицо, которое то сливалось с настоящим, то вновь ускользало. Обладатель того, другого лица, щурил глаза от улыбки, демонстрируя крошечные клыки, и звал его точно так же: «Учитель»... Граница между кошмаром и явью на мгновение стерлась.

Решив, что потревожил покой Лян Сюаня, Шэнь Гумин робко и смущенно спросил:

— А почему... почему вы спите в гробу?

Лян Сюань одарил его абсолютно бесстрастным взглядом и не торопясь сел.

Не дождавшись ответа, Шэнь Гумин торопливо подобрал под себя ноги, выпрямил спину и, чинно сложив ладони на коленях, уставился на мужчину сияющим, преданным взглядом.

Лян Сюань окинул его скептическим взглядом:

— У тебя что, глаза загорелись?

— Вовсе нет! — выпалил Шэнь Гумин, сорвавшись на фальцет.

Лян Сюань слегка опешил и недовольно поморщился:

— Ну нет так нет. Чего орать-то на всю округу?

Шэнь Гумин занервничал еще сильнее. Он судорожно сглотнул, собираясь с духом, и наконец выпалил:

— Я... я... Ваш ученик Шэнь Гумин смиренно умоляет Вэйцы-цзюня принять его под свое крыло!

С этими словами он бухнулся на колени и отвесил почтительный поклон, коснувшись лбом земли.

«Твою ж дивизию...»

— Послушай, малец, ты часом ничего не перепутал? Тот разбойник, что обобрал тебя до нитки — это я, — Лян Сюань ткнул себя пальцем в грудь. — Тот самый «паршивый оборванец», которого ты крыл на чем свет стоит. Или память напрочь отшибло?

Шэнь Гумин виновато опустил голову:

— Учитель наверняка пошел на это ради высшей цели, у вас просто не могло не быть веских причин. Это я оказался слишком глуп и не сразу узрел истину. Молю, простите неразумного ученика.

«И вовсе я не скромничаю — никаких скрытых мотивов у меня не было. Я издевался над тобой исключительно ради собственного удовольствия. Но, парень, переобуваешься ты, конечно, на лету. Еще вчера шарахался от меня как от чумы, а теперь вон как запел. Мое почтение».

Лян Сюань замахал руками:

— Избавь меня от этого. Учеников я не беру. И встань уже с колен, мужчине не пристало кланяться каждому встречному. Моя скромная персона не заслужила столь великой почести.

— Но у меня есть деньги! — воскликнул Шэнь Гумин.

— Дело вовсе не в деньгах, — отрезал Лян Сюань.

— Я неприхотлив! Меня очень легко содержать!

— И не в содержании тоже.

Шэнь Гумин окончательно растерялся:

— Но тогда почему?

— Нипочему. Просто я не беру учеников.

Помолчав немного, Лян Сюань спросил:

— Ты когда очнулся?

— Совсем недавно, — послушно ответил юноша.

— Никакой чертовщины поблизости не видел?

Шэнь Гумин недоуменно моргнул:

— Чертовщины? Что вы имеете в виду, Учитель?

На самом деле, стоило ему тогда узнать, что Лян Сюань и есть знаменитый Вэйцы-цзюнь, как на него навалилась дикая, непреодолимая усталость. Сон пришел внезапно, словно душу насильно выдернули из тела. Ему снилось что-то путаное и бесконечное, будто он прожил целое столетие, но, очнувшись, он напрочь забыл все детали.

Первое, что он почувствовал при пробуждении, — тупую боль в левой щеке. А стоило открыть глаза, как приковал к себе всё его внимание стоящий посреди поляны гроб.

Кругом царило гробовое молчание, ни единой живой души в радиусе мили — только он и это зловещее ложе. Возможно, ему лишь мерещилось, но Шэнь Гумину казалось, будто из чащи на него уставились сотни невидимых, голодных глаз. На фоне этого жуткого ощущения деревянный ящик казался даже вполне дружелюбным.

Сложив ладони перед грудью, он на всякий случай скороговоркой прочел какую-то защитную сутру и лишь после этого с величайшими предосторожностями приподнял тяжелую крышку.

Внутри покоился красавец.

Черты лица спящего были столь безупречны, что у юноши перехватило дыхание — ничего прекраснее он в своей жизни не встречал. О красоте Вэйцы-цзюня слагали легенды, но это не была смазливая, женственная миловидность. В его облике благородное изящество причудливым образом сочеталось с суровым величием. Эта красота была гордой, даже колючей, внушающей благоговейный трепет и заставляющей держаться на расстоянии.

Белоснежные одежды придавали ему сходство с сошедшим на землю небожителем, и лишь кулон из нефрита драконьей крови, покоившийся на груди, алел подобно свежей крови, резко контрастируя с мертвенно-бледной кожей. Это невероятное сочетание чистоты и скрытой страсти завораживало.

Шэнь Гумин заворуженно застыл. Рука сама собой потянулась вперед, желая коснуться аккуратного, точеного носа... Но спящий очнулся слишком быстро. Он медленно открыл глаза, явив миру пронзительный взгляд глубоких фениксовых глаз. В этот миг юноша впервые в жизни почувствовал, как его сердце пропустило удар, навсегда увязнув в этом омуте.

— Я имею в виду, не кружили ли поблизости какие-нибудь уродливые твари? Ну, например, на редкость омерзительные птицы? — Лян Сюань вовремя осекся и строго добавил: — И прекрати звать меня Учителем. Я тебе не наставник.

Шэнь Гумин мотнул головой, уверяя, что никого не видел, а затем соорудил такую жалобную, обиженную гримасу, что Лян Сюань невольно сравнил его с капризной девчонкой, выпрашивающей сладости.

В следующий миг юный заклинатель принялся виновато вертеть пальцами и тихонько пробормотал:

— Но мне так хочется звать вас Учителем...

Лян Сюань лишился дара речи.

«Да уж, мужики...»

Впрочем, тут дело пахло чем-то похуже банального кокетства. Кажется, пока он спал, главный герой окончательно тронулся умом!

С чего он это взял? Да потому что в оригинальном романе черным по белому было написано: Шэнь Гумин холоден и неприступен для чужаков, но со своими превращается в робкого, капризного и крайне ревнивого собственника. Настоящий скрытый яндере.

Правда, признаков безумной одержимости пока не наблюдалось. Вероятно, автор просто не успел раскрыть эту сторону его характера до того, как благополучно забросил книгу.

Больше всего Лян Сюаню запомнился эпизод, где главный герой триста раундов кряду безжалостно кромсал древнего монстра, даже глазом не моргнув, а вернувшись со сломанной рукой, при виде главной героини Гу Фаньинь моментально сменил гнев на милость. Его ледяной взгляд растаял, превратившись в нежный ручеек, и парень тут же применил фирменный прием «Капризы маленького бессмертного» — эксклюзивно для своей возлюбленной.

Но сейчас Шэнь Гумин смотрел на него так, словно перед ним был величайший кумир, потерянная мать и суженый в одном флаконе.

И тут до Лян Сюаня наконец дошло.

В оригинале-то главный герой изначально держал путь вовсе не к Лян Ланьину и даже не в Цинсяо-цзун. Его целью был Павильон Циюй — величайшая школа в Поднебесной на тот момент.

Шэнь Гумин шел туда, чтобы стать учеником Гу Фаньинь. Ведь весь сюжет «Пути бессмертия» строился на запретной любви между наставницей и ее подопечным!

«Ну и дырявая же у меня башка...» — мысленно выругался Лян Сюань. Не устрой малец эту сцену смущения, он бы до конца дней своих ни о чем не догадался.

В романе четко говорилось, что юноша жаждал попасть в сильнейший орден страны. И надо же было Лян Сюаню сто лет назад так нелепо выпендриться, совершив кучу глупостей и выведя второсортный Цинсяо-цзун на первое место в Поднебесной!

Сам себе вырыл могилу. Интересно, а грехи замаливать уже поздно?

Видя, что собеседник никак не реагирует, Шэнь Гумин разволновался до такой степени, что у него вспотели ладони.

— Ну... Учитель?

— Заткнись. Еще одно подобное слово — и ты лично узнаешь, почему моя фамилия означает «пронизывающий холод», — Лян Сюань ожёг его ледяным взглядом. — Завтра на рассвете убирайся отсюда на все четыре стороны. Направляйся на юго-запад. Если пойдешь быстро, дня за два доберешься до Цинсяо-цзун. Найди там Сиу-цзюня, заberi свою повозку и катись куда глаза глядят.

— Но мне нужно только к вам! — взмолился Шэнь Гумин. — Я и в Цинсяо шел лишь ради вас. Если вы откажетесь взять меня в ученики, зачем мне вообще сдалось отцовское наследство?

— Действительно, ни к чему. Можешь сжечь его, — Лян Сюань хотел было продолжить, но осекся под преданным, сияющим взглядом мальчишки.

Продолжать эти препирательства не имело смысла — парень явно не собирался отступать. «Впрочем, — подумал Лян Сюань, — долго мой скверный характер он всё равно не вынесет. Проще сделать вид, что я согласен, а потом довести его своими причудами до белого каления, чтобы сам сбежал».

— Ладно. Исключительно из уважения к твоему миловидному личику... я подумаю над этим.

Юноша сперва оторопел, а затем смущенно поскреб затылок и робко пробормотал:

— Ну что вы... Разве я могу сравниться с вами? Учитель, вы ведь самый прекрасный человек во всей Поднебесной... Мне так нравится ваше лицо.

«О, премного благодарен. Мое лицо, знаешь ли, нравится абсолютно всем персонажам этой

чертовой книги. Да и я сам, честно говоря, от него без ума. Ну и ну. Чертов эстет».

<http://bllate.org/book/18178/1747974>